

В заданный квадрат спецназовцы особого отряда ГРУ вышли с опережением графика на два часа. Майор Владимир Казаков — русоволосый и крепкий, выглядевший старше своих тридцати девяти лет из-за седины на висках, — еще раз глянул на подсвеченный циферблат.

— Нормально, — тихо прошептал в микрофон, укрепленный у губ, командир группы. Для боевых друзей — просто Казак. Его голос долетел до спутников, растянувшихся по перевалу на несколько сот метров. — Вышли в рабочую зону. Ждем рассвета, определяемся с позициями.

Никто из бойцов не отозвался. Чужие горы не любят лишнего шума. Чужие? Еще недавно, полтора десятка лет назад, горы Кавказа были своими, родными. Впрочем, так ли уж недавно? Для истории полтора десятка лет — сущая мелочь. Но за это время исчез Союз Советских Социалистических Республик. Кавказ, словно большой праздничный торт, попытались разделить на части. Кусочек независимости — вам, кусочек — им, кусочек — нам. Да вот «тортик» оказался со странной начинкой и вкусом... Не тортик вовсе.

Для майора Владимира Казакова, более пятнадцати лет отдавшего спецслужбам, прошедшие годы мелочью не казались. Они вместили столько, что в другую эпоху кому-то хватило бы на целую жизнь. Развал СССР. Расстрел собственного парламента, ГКЧП и угроза гражданской войны на пороге. Денежные реформы, дефолты, смена премьеров. Войны на Кавказе и не только. Взрывы домов в России. Югославия, Ирак. Список можно продолжать до бесконечности, но у Казака не было никакого желания возвращаться к прошлому.

Вся эта многолетняя канитель означала только одно. Сейчас, находясь в горах Кавказа, неподалеку от Панкисского ущелья, он и его люди — офицеры ГРУ — были преступниками. С точки зрения законов суверенной Грузии. Они перешли границу чужого государства, перешли тайно, ночью, с оружием в руках. Да еще с каким оружием! В руках у бойцов группы находились не стандартные «АКМ». Люди Казака были вооружены бесшумными автоматическими комплексами, «БАК», по-другому именуемыми «автомат специальный «Вал». Штуковина эта могла с трехсот-четырёхсот метров поразить бойца, одетого в бронежилет второго-третьего класса. А те, кого готовились встретить бойцы ГРУ, обычно не носили бронежилетов.

— Слышь, командир, — к Казакову бесшумно приблизился капитан Александр Тополев. Высокий улыбчивый блондин, всегда находивший повод для шутки, был первым заместителем командира. — Я тут радио поймал. «Вести».

Майор усмехнулся. Тополев, или просто Тополь,

отвечал за связь с «Опорой». Видимо, доложив командованию о выходе в расчетный квадрат, капитан решил узнать, что происходит в мире.

— Заняться нечем, Тополь? — спросил командир. — Сколько раз психологи трындели: с утра газеты читать вредно. И телевизор смотреть — тоже.

Послышался тихий смех. Бойцы отряда, внимательно наблюдавшие за соседними перевалами, были рады небольшой эмоциональной разгрузке.

— А я и не читаю, — отозвался Александр Тополь. Его голос изменился, стал мальчишеским, задорным. — Я, командир, вообще полуграмотный. Можно сказать — из глубинки. Во! Только сюда, на эту хреновину нажимать умею. Пуххх! Пуххх!

— Тихо! — шикнул на развеселившихся не ко времени спецназовцев Казак. — Новости тоже вредно слушать, Тополь. Прямая дорога к плохому пищеварению и запорам. Так что там наши умники сморозили?

— Новости слушать вредно. От горшка не отвешься, — цинично заявил Тополь, хотя по враз установившейся тишине понял: не только командир, все бойцы отряда хотели узнать, что творится на Большой земле.

Группа Казака находилась на территории Чечни две недели, прежде чем получила информацию о том, что интересующий их караван готов к выходу. А значит, пора выдвинуться в точку огневого контакта. Все то время, что майор Казаков и его люди находились на чужой территории, они соблюдали максимальную осторожность. Ни разу не выходили в эфир с сообщениями, работая только на прием.

— Ладно, не томи! — приказал майор. — Видишь, народ собрался возле культурга, замер в ожидании чуда. Порадуй новостями.

— Накануне выступал председатель комитета по обороне и безопасности Грузии. Наши СМИ показали. Так вот, говорил, что, по его сведениям, Россия направила на территорию независимой и суверенной Грузии несколько диверсионных отрядов спецназа ГРУ. Задача этих групп: создание хаоса, паники среди мирного населения. Российские спецназовцы должны вывести из строя энергетические объекты Грузии. ГРУ дан приказ: организовать аварии и взрывы на электростанциях, линиях передачи. Ну, и все такое...

— Приятно, конечно, что мы такие всеильные, — откуда-то издали пробурчал второй заместитель Казакова, капитан Олег Мясников, по прозвищу Людоед. — Все-то мы можем, везде нос засунем.

— Мы все можем, Людоед, — тут же напомнил Казак.

— Это я знаю, — все услышали смешок капитана Мясникова. Майор тут же представил грубое, обветренное лицо Людоеда, скривившееся в недоброй ухмылке. Длинный багровый шрам на правой щеке. — Да только на хрена нам дались энергетические объекты Грузии, а? Паника среди их населения? Что нам, заняться больше нечем? Типа, своих дел не хватает?

— Да все, как в басне, — с горечью произнес майор Казаков. — «Ай, моська, знать, она сильна, что лает на слона». Тут, конечно, не слон и моська. Но

полаять, коль тебя в ответ не раздавят, — это пожалуйста.

— Какие только задачи не решает спецназ ГРУ, — вздохнул молодой лейтенант Василий Запорожец, совсем недавно пришедший в отряд из элитной дивизии Воздушно-десантных войск.

— Чем ты недоволен, Шумахер? — строго поинтересовался у него Людоед.

Он опередил командира группы, который соби-
рался задать тот же вопрос.

— Да нет, все нормально, — торопливо ответил Запорожец. — Просто... Просто раньше я немного по-другому спецназ ГРУ представлял. Я думал — это работа на территории врага, в глубоком тылу. Выдержка, ум, логические комбинации. Способность рассчитать десятки вариантов, выбрать из них единственно правильный. И этим ГРУ отличается от спецназа ВДВ, призванного физически, в силовой манере уничтожать врага.

— А мы и работаем на чужой территории, — возразил капитан Тополев. Теперь он опередил командира. — Ты не забыл, что Грузия — суверенное государство?

— Нет, вроде не забыл.

— Так вот, если нас сейчас — не дай бог — поймают грузинские пограничники — произойдет крупный международный скандал. Это пока их премьер-министр, в ответ на сентенции председателя комитета по обороне и безопасности, брызжет слюной. Мол, надо усилить охрану энергообъектов. Русские, мол, не пройдут. Никому не позволим отменить завоевания революции!

— Одна тысяча девятьсот семнадцатого года? — угрюмо поинтересовался Людоед.

— Нет, ихней, блин, революции! — тихо засмеялся Тополев. — Которая им независимость от злобной России дала! Для них завоевания революции — святое. Это фигня, что и без русских диверсантов жрать нечего, что электричество бывает лишь по нескольку часов в день. Скоро будут как кубинцы. В магазине: чем вас отоварить, дорогой товарищ? Сегодня есть носовые платки, есть мужские трусы. Выбирайте, дорогой товарищ. Но, увы, только одну вещь в одни руки! Так что: или то, или другое. Выбирайте. Но это все фигня! Зато независимость...

— Кхм-кхм, — услышали все.

Это подал голос старший лейтенант Тенгиз Чабадзе. Черноволосый черноглазый крепыш «трудной» национальности. Его родители, наполовину грузины, наполовину русские, заканчивали высшие учебные заведения в Москве. Да так и остались в России, где у них родился мальчик. Малыш Тенгиз, который вырос в столице, учился читать и писать по-русски вместе с прочими детьми в обычной школе. Мальчик, который бредил армией. Вскоре после окончания школы оказался в Воздушно-десантных войсках. Не Грузии. России. Ибо, как и его родители, был прописан в Москве.

— Прости, Джигит, — виновато отозвался Тополев. — Опять я о больном. Знаешь, все никак не могу привыкнуть, что старые друзья меня врагом номер один считают. Ну как же так? Теперь для них америкосы — свои в доску. А мы — лютые враги. Да нужна эта Грузия американцам! Что там, во власти,

слепые? Америкосам покласть на все малые народы! Им новые плацдармы в Азии нужны! В Азии да вокруг России. А если все малые нации передохнут — Америка даже не всплакнет по этому поводу.

— Кхм-кхм, — лишь один короткий ответ в динамиках.

— Ладно! Я просто хотел сказать, что если нас поймают грузинские пограничники, то президент Грузии вместе с премьер-министром такой скандал раздуют... мама, не горюй!

— Значит, надо сделать так, чтобы нас тут не поймали, — философски отозвался командир группы. — А потому — отставить пустой треп! Скоро рассвет. Док! Что в ущелье?

— Пока ноль, — откликнулся старший лейтенант Золин. Доктор, вместе с лейтенантом Игорем Князевым, находился на «острие клинка». — В ущелье — тишина.

— Добро! — отозвался командир. — Болтать закончили. Разговоры только по делу. Выдвигаемся на позиции. Вперед!

Место для засады искать не пришлось. Еще в Москве, на учебном полигоне, Казак, Людоед и Тополь исползали на брюхе всю карту хребта, выбирая наилучшие позиции для огневого контакта. Современная техника — съемки со спутника и цифровая компьютерная обработка — позволяет изготовить карты такого масштаба, что предварительный анализ ситуации значительно сокращает рекогносцировку на реальной местности.

Точки были намечены заранее. Теперь бойцам предстояло занять их. Потом смакетировать линии

огня, проверить: простреливаются ли все укрытия за камнями, которыми могли бы воспользоваться люди из каравана Аль Али.

— Северо-восточный склон, направление тридцать пять — двадцать, — бросил в эфир Джигит. — Сто пятьдесят метров вниз от выступа в виде пальца. Группа камней не простреливается.

— Достаю, — тут же отозвался Тополь.

Майор Казаков поднял к глазам бинокль, внимательно изучил скопление камней, создававшее отличное укрытие для стрелка. Или стрелков. В принципе, по информации осведомителя, в караване должно было идти человек пять-семь, не больше. Но подстраховаться никогда не мешает.

— Брат! — скомандовал Казаков. — Смени точку, пятьдесят метров левее и чуть выше. Там впадина, по карте.

— Точно! — после небольшой паузы отозвался лейтенант Сергей Братан. — Занял!

— Укрытие за камнями просматривается? — любопытствовал майор.

— Да, командир. Порядок. Если что — подстрахую капитана Тополева.

— Смотрим дальше, — бинокль Казака скользил по камням, временами рука офицера замирала, взгляд фиксировался на каком-то объекте тропы, интересовавшем командира группы.

В караване Аль Али шли опытные, проверенные боевики. Русские были здесь чужими, а многие солдаты героинового барона находились у себя дома. Или совсем рядом, потому что до Чечни — рукой подать. Майор едва слышно вздохнул. Так уж вы-

шло, что они, русские, были чужими и для грузин, и для чеченцев.

Но, во всю глотку заявляя о желании жить отдельно, независимо от подлой и кровожадной России, грузины и чеченцы вместе ташили в Россию — именно в подлую и кровожадную Россию — смертоносную дрянь. Через Краснодар, Волгоград, Ставрополь. Оттуда наркотики растекались по всей огромной территории. И тысячи людей, русских людей, становились инвалидами. А в карманах торговцев оседали огромные деньги, на которые можно приобретать квартиры и машины в той же России. Именно так! В России. А не в Чечне, не в Грузии. Почему же, на словах проклиная Россию, черные дельцы стремились иметь собственность именно здесь? Майор знал ответ...

Аль Али специализировался на героине, хотя были и другие наркодилеры, предпочитавшие синтетические наркотики нового поколения. До этих дельцов начальство майора Казакова тоже планировало добраться. Чуть позже. Аль Али находился в верхней части списка, потому что тратил деньги не только на квартиры, машины и баб. Часть его капиталов шла на финансирование боевых диверсионных отрядов. Тех, что готовили теракты на территории Российской Федерации.

«Чем только не занимается спецназ ГРУ», — вспомнились майору слова молодого лейтенанта.

— А что ж ты хочешь, парень, — беззвучно, одними губами, ответил Казак. — Ныне времена такие. Все орут про независимость, но бабки хотят дедать здесь, в России. У себя-то не получается. Там —

лишь воровать друг у друга могут. У нас им легче. Но есть мы — ликвидаторы. Волки. Очищаем страну от всякого мусора. Раньше воевали за пределами страны, потому что оттуда исходила главная угроза. А теперь проблемы и снаружи, и внутри. Что же поделаешь?

— Дроп! — услышали все легкий, будто шелест ветра, сигнал.

«Дроп» — короткое и ясное английское слово, означающее «бросать», «ронять». В группе Казака так подавали сигнал о визуальном контакте с противником. Сработал старший лейтенант Максим Золин, находившийся на переднем рубеже. Значит, он уже увидел группу Аль Али. Спецназовцы «уронили» себя на землю. Замерли, слились с чужими горами. Стали тишиной и рассветом.

Майор опустил бинокль. Прикрыл глаза, выжидая. До того момента, как он увидит противника, должна пройти минута-другая, не меньше. И на это время следовало обратиться в слух. Казак досчитал до пятидесяти, аккуратно, стараясь не шевельнуться, оглядел позиции своих бойцов. Все было нормально — как и положено. Не зря столько времени и сил отдано тренировкам на полигонах. Даже новички, лишь недавно влившиеся в группу, замаскировались так, что командир их не видит. Куда уж там людям Аль Али, двигавшимся по тропе значительно ниже.

А вот и цели! Один... два... три... Казак насчитал пять человек. А потом засек движение на склонах, чуть впереди и позади основной группы. Двое «прощупывали» боковые ребра скал, один прикрывал

сзади. У каждого караванщика за спиной был небольшой вещмешок. Майор прикинул: героин разделили на части. В каждую такую упаковку могло поместиться килограммов десять-пятнадцать. Бойцы Аль Али оставили руки свободными — для оружия. Ношу поделили поровну, чтоб каждый мог попытаться уйти в отрыв в случае необходимости. С грузом в тридцать килограммов это сумел бы проделать только очень хорошо тренированный солдат, а вот тащить за плечами «десятку» — не такая уж сложная задача для взрослого, здорового мужика. Работающего за приличные деньги да за собственную жизнь. Итого, в этот раз партия героина — порядка ста килограммов. Если только караванщики от жадности не набили мешки под завязку. «Немало», — подумал Казаков, наблюдая, как разведчики противника аккуратно передвигаются по склонам, «прошупывают» тропу на пути основной группы.

Люди Аль Али все делали по правилам. Мысленно командир спецотряда ГРУ отдал должное противнику. Наркоторговец совсем не хотел умирать. Его люди, вышколенные и опытные, вели разведку, как повоевавшие солдаты.

Вот только Казак поступил бы еще осторожнее. Если б он вел караван в таком опасном месте, он расставил бы наблюдателей на склонах еще выше. Пустил их не чуть в стороне, а над тропой, в несколько эшелонов. Впрочем, у Аль Али было только семь боевиков, а не рота. И наркобарон пока еще шел по территории Грузии, где, надо полагать, чувствовал себя в относительной безопасности. Возможно, за дальним хребтом, на территории России,

он сменил бы тактику передвижения, усилил прикрытие. Майор Владимир Казаков, находившийся на чужой земле, в чужом государстве, не дал ему такого шанса.

— Коу! — резко бросил в микрофон Казак.

И это была команда к атаке, по которой одиннадцать стволов выплеснули вечность на людей в темных маскхалатах. Наблюдателя на левом склоне пуля отбросила в сторону. Людоед «долбил» почти в упор, в корпус. Меньше чем с сотни метров. Капитан всегда был мастером маскировки, а потому именно ему доверили самую «убойную» позицию, чуть ли не на пути у каравана. Казаков был уверен: капитана Мясникова разведчики не смогли бы углядеть и с пяти шагов... «БАК», пробивающий с полукилометра стальную пластину, изрыгнул пламя еще два раза. Что-то вроде контрольного выстрела, по версии Людоеда. Человек из отряда Аль Али всплеснул руками, не удержался на обрыве и полетел вниз. Он даже не вскрикнул. Людоед чуть изменил положение тела, помогая своим, расстреливавшим караван.

Второй дозорный, двигавшийся по правому склону, тоже был мертв. Он остался висеть на камнях, пуля попала в голову. Под телом быстро увеличивалось в размерах темно-красное пятно с какими-то белыми полосами.

По замыкающему вели огонь Док и Князь, в два ствола. Бандит, страховавший караван сзади, упал прежде, чем сообразил, что происходит. Как и другие дозорные. А вот Аль Али среагировал на атаку очень быстро. Хотя спецназовцы «работали» из бесшумных комплексов, наркоделец мгновенно понял,

что его караван подвергся нападению. Казак точно видел, что Аль Али, двигавшийся в середине цепочки, получил две пули, но сумел-таки добраться до камней, на которые еще до боя обратил внимание старший лейтенант Чабадзе...

Аль Али оказался единственным, кто прожил дольше нескольких секунд в бойне, состоявшейся в лощине. Все караванщики лежали на земле в разных позах, с оружием в руках. Никто из них не успел выстрелить.

Самого наркобарона добила Тополь и Брат. Майор Казаков еще раз мысленно похвалил Джигита за наблюдательность, а себя самого — за точный расчет. Все «цели» в лощине были четко распределены между снайперами, именно потому на уничтожение каравана ушло менее минуты и ничто не нарушило тишину суверенного грузинского утра.

— Людоед, Сема, Хохол, Князь! Тела — к камням, — коротко приказал майор. — Остальным — занять круговую оборону. Наблюдать за склонами.

Четверка людей, закинув оружие за спины, устремилась вниз. Лейтенант Князев чуть задержался возле наблюдателя, убитого на правом склоне. Поднатужился, сбрасывая тело с камней. Его товарищи уже тащили мертвых к тому месту, где хладнокровно расстреляли Аль Али.

— Всех проверили? — уточнил Казак, хотя этого не требовалось.

Его люди и без команды знали, что следует добить тех, кто выжил. Да только выживших в бойне не оказалось. Но Мясников не пожалел еще по пуле для каждого.

— Норма, — коротко, удовлетворенно отозвался Людоед, оглядев «работу».

— Начинаем движение! — приказал майор. — Хохол — канистры! Князь — прикрыть!

Двое офицеров задержались в ложине. Старший лейтенант Омельченко, по прозвищу Хохол, расправил мешки с героином и рассыпав порошок по траве, старательно поливал бензином тела и отраву. Ради этого мига спецназовцы перли через границу две канистры. Князев, заняв позицию чуть в стороне, внимательно наблюдал за тропкой, по которой пришли наркоторговцы.

Остальные девять бойцов, не мешкая, двинулись обратно к границе. За их спинами взметнулось пламя — Омельченко поджег мешки.

Хохол и Князь, еще раз оглядев «пионерский костерок», бросились вслед за своими. Те уходили по склону, оторвавшись от «пожарников» на несколько сот метров. Задерживаться не следовало. Мероприятие прошло без шума, однако теперь, когда к небу поднимался черный хвост дыма, надо было возвращаться домой с максимально возможной скоростью. Омельченко и Князев увеличили темп движения, но вдруг старший лейтенант споткнулся на ровном месте.

— Командир!!! Сзади, сверху! — выкрикнул он.

И Хохол, и Князь заметили новую, неведомую опасность. А майор Казаков пропустил. Пропустил цель. Но у него было оправдание: угроза пришла не с окрестных скал. Не спереди, не сбоку. Она пришла сверху! В рассветном небе Грузии — неведомо

откуда — появился летательный аппарат, больше всего напоминавший... оранжевый шар.

Невероятный по размерам оранжевый шар, беззвучно зависший над головами людей, на высоте в несколько сот метров.

— Что это, командир? — растерянно спросил лейтенант Князев, наблюдая, как снижается чудовищный «апельсин».

Он и старший лейтенант Омельченко оставались чуть в стороне от основной группы. А бойцы спецназа, упав на спины, выставили стволы «БАК» вверх, готовясь открыть ураганный огонь по неизвестному объекту. И тишина. Ни гула двигателей, ни свиста ветра от лопастей винтов. Только учащенное дыхание людей.

— Казак! — услышали все тревожный голос капитана Тополева. — Огонь на поражение? Или... Или как?

Майор колебался. Он никогда в жизни не верил в летающие тарелки! Но объект, висевший над людьми и медленно снижавшийся, не походил ни на один земной летательный аппарат.

— Командир! Они снижаются! — крикнул Хохол.

Но бойцы основной группы не открывали огонь, несмотря ни на что. Казак не отдал приказа...

Из передней части шара на землю упал игольчатый луч зеленого цвета. Пробежал по камням, «расплылся» в широкий конус, скользнул по лицам людей. Все почувствовали жар.

— Огонь? — неуверенно спросил Людоед.

Неведомый летательный аппарат вздрогнул. Во-

круг показалось облако золотистого тумана, по корпусу пробежали разноцветные огоньки. Шар словно прыгнул к земле, еще увеличился в размерах.

— Огонь? — переспросил Людоед.

НЛО окуталось золотистым дымом, и вдруг откуда-то снизу — люди не успели заметить откуда — вынырнула летающая тарелка. Перевернутая тарелка, на доньшке которой, оказавшемся сверху, находился купол! Диск был выполнен из серебристого металла, напоминавшего алюминий. Майор успел понять, что не видит на приближающемся объекте ни швов, ни заклепок, так, словно эта штукovina выполнена из цельного куска. Купол люди рассмотреть не успели, странный аппарат с огромной скоростью несся к земле. Из-под днища вниз, почти под равными углами, били три луча света. А еще два шли вверх — к огромному шару, который по-прежнему висел на месте.

— Огонь! — крикнул майор Казаков.

Девять стволов били по неизвестному объекту. Почти в упор, длинными очередями. Хохол и Князь находились чуть сбоку, а потому метились в купол. Там, по их мнению, мог находиться экипаж чужого «самолета». лейтенант Князев выпустил по неизвестному объекту весь магазин.

— Командир! — в отчаянии воскликнул Омельченко.

Девять спецназовцев уже не стреляли. Показалось — неведомая сила прижала тела офицеров к земле, но не только весом. Подавила волю, «размазала» по камням способность мыслить, чувствовать, анализировать.

Что-то неуловимо изменилось. Это уже потом, вновь и вновь возвращаясь в странное и трагическое утро в ущелье на территории Грузии, уцелевшие Князев и Омельченко будут повторять: «Показалось, что включился огромный пылесос».

Безвольные тела их товарищей оторвались от поверхности земли, скользнули в молочную дымку, окутавшую днище чужого аппарата. Один за другим внутри НЛО исчезли все девять офицеров: Казак, Тополь, Людоед, Док, Сема, Джигит, Конь, Шумахер, Брат.

Тарелка с сумасшедшей, невероятной скоростью рванулась вверх. Казалось — в небе произойдет столкновение, взрыв невероятной силы разметает обломки. Но маленькое НЛО столь же резко затормозило. Изменило вектор полета. Описав дугу, нырнуло в оранжевый шар сбоку.

Вновь по «телу» большого корабля скользнули огоньки. Зеленый луч изменил оттенок, пробежал по земле. И там, где он коснулся травы, растительность почернела. Но не сгорела, просто изменила цвет. Шар стал уменьшаться в размерах, таять. Беззвучно! Вскоре летательный аппарат исчез в синем небе, как будто его никогда и не было.

— Да что же это? — недоуменно спросил Князь и огляделся.

Впереди — граница России. Позади — трупы наркодельцов и жирный столб дыма. Под ногами — черная трава, слабо подрагивающая от ветра. Ни друзей, ни оружия. Нет останков! И только они вдвоем, старший лейтенант Омельченко да лейтенант Князев. Двое — от всего отряда спецназа ГРУ.

— Уходим! — сбрасывая оцепенение, приказал Хохол. Теперь он был старшим. — Быстро уходим на свою территорию!

Двое спецназовцев, пытаясь оправиться от пережитого шока, побежали в сторону границы России и Грузии. Перед их глазами по-прежнему мелькали страшные картины: оранжевый шар; зеленый луч, бегущий по лицам товарищей; безвольные тела, уплывающие вверх, в недра неведомого летательного аппарата...

— Связи с «Опорой» нет, — на бегу высказался Омельченко. — Мы просто обязаны выжить! Ты или я. Дойти до своих и доложить. Обо всем. Как было.

— Не поверят! — убежденно откликнулся Князев. — Попробуем — отправят в психушку.

Омельченко притормозил, дернул молодого спутника за рукав, заставляя того перейти на шаг.

— Это единственный шанс, — тихо сказал он и посмотрел в глаза лейтенанта. — Поверят или нет — станет хуже нам. Значит, будем говорить так, чтоб поверили. Но если не расскажем, попытаемся врать — вычислят. Хуже того, Казака и всех наших — всех — будут считать дезертирами. Понимаешь? Дезертирами! Они не вернулись с задания.

— Нееееет! — выпучив глаза, испуганно отозвался Князь. — Какие они дезертиры?! Мы выполнили приказ! Но майор... и ребята... они там!

Князев указал пальцем на небо. Он постоял так, а потом безнадежно опустил руку. Сам.

— Вперед! — приказал Омельченко, начиная движение.

Но как трудно давались шаги!

Пустота напознала на майора Казакова, будто огромный червяк. Она приближалась неспешно, заглатывала Владимира, долго проталкивала его по пищеводу невероятной длины. Майора вертело из стороны в сторону. Он всматривался в черноту, пытаясь определить: где находится? Что с ним?

Пустота оставалась где-то позади, и тогда Казак видел перед собой глаза чудовищных размеров. Они, не мигая, смотрели на офицера ГРУ. Майор неспешно плыл, подчиняясь воле плотного черного ветра. Зрачки становились исполинскими, закрывающими все вокруг. Майор проваливался внутрь, барахтался, задыхался. Тонул. Не хватало воздуха, человек агонизировал и умирал. Он слышал, как прекращает биться сердце в теле командира спецназовцев ГРУ, но не успевал поразиться тому, что видит себя со стороны.

Сознание, будто притянутое магнитом, проваливалось в физическую оболочку, и майор вместе с собственным телом погружался в липкую вязкую черноту. Не дыша. Не слыша стука собственного сердца.

А потом огромные чужие зрачки лопались на мириады черных брызг. Снова приходила пустота. Она неспешно, как-то лениво подползала, чтобы заглотнуть майора. Протащить его по пищеводу и выплюнуть в черный ветер, тянувший Казака к исполинским глазам.

Сколько раз это повторилось, прежде чем майор сошел с ума? Разве человек, лишившийся рассудка, способен ответить на такие вопросы...

Майор лежал на черном песке, лицом вниз. Точ-

нее, сначала он понял, что лежит, но потребовалось еще много времени, чтоб разум осознал: Казак лежит на песке. Под ладонями — сыпучее и вязкое. А раз так, раз он способен мыслить, анализировать, делать выводы — он не сошел с ума. Кто придумал, будто он лишился рассудка? Кто?!

— Я жив, — хрипло пробормотал Владимир Казаков.

Дрожащими руками майор уперся в черный песок. Приподнял тело, чтобы сесть. И только тогда «включился», заработал мозг. Каким образом Владимир понял, что песок черный? Вокруг темно, будто в брюхе у кита. Казак сразу вспомнил детский мультфильм про барона Мюнхгаузена: гигантская рыба проглотила пиратов, и те, сидя в брюхе, тоже ничего не видели. Пока не зажгли свечку.

— Темно, — сам себе сказал офицер. — Свету бы...

И свет появился, будто по команде. Странное мрачное освещение тяжелой волной лилось с неба. Красный свет, не кровавый, темно-пурпурный, по спектру почти «свалившийся» в черноту. Майор потер глаза, присмотрелся. Небо меняло окрас на глазах. Так, словно неведомый источник света адаптировался к глазам людей. Посветлело. Пропали тяжелые, инфракрасные тона. Спектр излучения сместился в зону более привычных для человека величин.

И тогда выяснилось, что песок под ладонями совсем не черный. Золотистый. Хороший такой, мелкий и теплый. Чем-то напоминавший пляжи Сочи или Таганрога. Неподалеку, на сыпучем и вязком, находились восемь тел. Майор быстро протер глаза.

Пополз вперед, упираясь ладонями в тяжелый песок. Почему тяжелый? Это ноги и туловище тяжелые, непослушные. А песок — сыпучий. Думалось как-то с трудом, непривычно. Словно для того, чтоб протащить мысль через мозг, надо было приложить невероятное мышечное усилие.

Но постепенно это проходило. К нему возвращалась способность видеть, слышать, думать, анализировать. Он вспомнил горный перевал неподалеку от границы Грузии с Россией, отлично проведенную спецоперацию по уничтожению банды наркодельца Аль Али. И еще вспомнил: оранжевый шар, зависший над головой. Маленькую серебристую хреновину, вынырнувшую откуда-то из недр чудовищного летательного аппарата. Вспомнил Людоеда и Тополя, которые лежали рядом, выпуская заряд за зарядом точно в цель.

Но цель оставалась совершенно равнодушна к тому, что девять стволов, способных с дистанции в полкилометра пробить стальную пластину, «долбили» ее почти в упор. Майор будто вновь услышал испуганный крик лейтенанта Бориса Кононова — странная воронка-раструб появилась как раз напротив Коня. Владимир припомнил, он не раз видел картинки стихийных бедствий в Америке: тоненький хоботок исполинской воронки ползет по земле, засасывая пыль и мусор, срывая крыши домов, переворачивая и поднимая в воздух машины, временами стаскивая с рельс железнодорожные вагоны.

Здесь получилась воронка наоборот. Узкое горлышко — возле чужого летательного аппарата. А широкий раструб, втянувший спецназовцев, был обра-

щен к земле. Все это могло означать только одно. Группа майора Казакова, элитного спецназа ГРУ, похищена чужим кораблем. Чьим? Американским?! Бред! Китайским? Аналогично... Казак это понимал, но в таком случае оставался единственный вариант, в который майор абсолютно не готов был поверить...

Техника, с которой столкнулся спецназ ГРУ, не могла принадлежать землянам. Значит, их похитили пришельцы! Загадочные «зеленые человечки», о которых так любят писать Бароны Мюнхгаузены всех мастей. Мол, я видел тарелку. Да что там! Я даже был на ее борту и разговаривал с энлэонавтами.

Ага. Наше бравое «Нет!» сказочникам...

Майор толкнул неподвижного Людоеда, но тот не пошевелился. Казак прилег возле тела капитана, приложил ухо к губам Мясникова. Тот дышал. Впрочем, Владимир Казаков уже догадался, что в планы похитителей их смерть не входила. Можно не сомневаться в том, что очнутся все. Чуть раньше или чуть позже.

Застонал и пошевелился старший лейтенант Золин. Казаков усмехнулся, глядя, как Док пытается сесть. Наконец офицеру это удалось. Он с изумлением посмотрел на окружающий пейзаж. Полубезумно уставился на командира.

— Хай, Док! — оскалил зубы Казак.

Он радостно взмахнул рукой, имитируя поведение секретарши, которая поутру, у входа в офис, встречает самого-главного-босса.

— М-м-м! — промычал Золин, схватился за вис-

ки. Старший лейтенант еще раз огляделся по сторонам. — Где мы?

— На пляже! — мрачно пошутил Казаков. — Ты, это... Давай, приходи в себя. Глянь, что с ребятами. Может, кому помощь нужна.

— Угу, — проронил старший лейтенант.

Его движения стали более сконцентрированными, как только Док вспомнил про свои обязанности.

Майор Казаков с трудом поднялся на ноги. Постоял, балансируя руками. Почему-то он боялся, что не сможет ходить. Показалось — разучился. И действительно, первые шаги дались с огромным трудом. Земля будто раскачивалась под ногами. Земля?! Где они? Если на Земле — то на полигоне в штате Невада, не иначе.

За спиной послышалась возня, Доктор сумел «оживить» еще кого-то. Майор решил не оборачиваться, он пока еще не чувствовал себя настолько уверенно.

— Хэй, Шумахер, ты выглядишь так, как я себя чувствую! — услышал командир ироничный голос Людоеда.

«Старая шутка, — улыбнулся Казак. — Из какого-то бредового американского фильма про космический спецназ».

Владимир был рад слышать голоса товарищей. Он прошел чуть вперед, потом аккуратно, стараясь не делать резких движений, развернулся. Увидел сидевших и лежавших на песке офицеров. Вместе с ним — девять человек. Не хватает Хохла и Князя...

Последние двое оказались в стороне от воронки,

всосавшей людей. Значило ли это, что они спаслись? Командир не мог просчитать. Тарелка стартовала к большому шару, и черт знает — какими двигателями располагал неведомый корабль? Что за адское пламя клубилось за кормой? Выжил ли хоть кто-то из ребят, оставшихся на камнях, под брюхом НЛО?

— Все в порядке? — оглядев притихших боевых товарищей, спросил Казаков.

Никто не отозвался. Сие означало, что жаловаться на здоровье бойцы не собирались. Может, кто-то и чувствовал себя не в своей тарелке (майор усмехнулся этому невольному каламбуру), но ни один не признался в подобном.

— Где мы, командир? — Тополь задал вопрос, который, несомненно, вертелся на языке у всех.

— На пляже! — повторил Казаков.

Подчиненные, привыкшие к тому, что командир знает все и всегда готов в любой ситуации найти выход из положения, ждали подсказку от него. Казаков ничего не понимал. Точно так же, как все остальные.

— Сдается мне, нас похитили, — высказался Док. — Какая-то хрень проглотила... У меня мозги отключились начисто. Палил-палил, точно уверен, что бил прицельно. И попадал! А потом — воронка. Чернота. И дурь какая-то, будто я по длинному пищеводу ползу. Не сам ползу, разумеется. Меня что-то проталкивает, переваривает. Я разлагаюсь на составляющие, а потом оказываюсь в вязкой черноте. Меня снова заглатывают. Не жуют, а именно загла-

тывают. Целиком. И так — раз за разом. Тьфу! Блевать потянуло...

— И у меня то же самое, — признался Людоед. Шрам на его лице почернел. — Сознания не терял, но все события протекали через мозг, как вода через сито. Вроде чувствую, что происходит, но осмыслить не могу. Блин! Даже не знаю, как это объяснить.

— И не надо, — покачал головой Александр Тополев. — И так понятно.

— Ну и вот, в какой-то момент показалось, что крыша окончательно съехала, — продолжил Олег Мясников. — Этот червяк снова и снова проталкивает меня по пищеводу. А потом еще глаза. Огромные. Я в них утонул, причем не один раз. Сколько — не знаю.

— Мы видели одно и то же, — резюмировал майор Казаков. — Вернее, надо сказать так: мы пережили одно и то же. Значит, это не было галлюцинацией. В черной пустоте нас всех действительно исследовал какой-то инопланетный «червяк». Возможно, так у них работает диагностическая машина.

— Инопланетный? — прищурившись, переспросил Док. — Ты, командир, произнес слово «инопланетный».

Казаков не ответил.

— А командир прав, — заявил старший лейтенант Семашко. — Если бы какого-нибудь дикаря взяли и стали исследовать в нашем медцентре, то он бы ничего не понял. Но — когда вернулся живым — всем туземцам родного племени рассказывал бы, что к его телу присосались десятки змей. Жалили в